
Славяне в текстах ранней кирилло- мефодиевской традиции

DOI 10.31168/91674-483-5.4

В многогранном научном творчестве Бориса Николаевича Флори важное место принадлежит трудам по кирилло-мефодиевской проблематике, среди которых выделяются комментированные переводы житий свв. Константина-Кирилла и Мефодия, сочинения древнеболгарского книжника Черноризца Храбра «О письменах», коллективная монография о судьбах кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия¹ и др.

Предлагаемые заметки, по сути, являются маргиналиями к этим замечательным трудам, а их публикация в юбилейном сборнике — знак искренней благодарности автора юбиляру за добрые советы и консультации. Речь пойдет о значениях термина «словѣне» и производных от него в сочинениях ранней кирилло-мефодиевской традиции — Прогласе к Евангелию, житиях, службах и похвалах свв. Кириллу и Мефодию, а также в немногих сохранившихся текстах учеников и последователей Солунских братьев, работавших в Болгарии.

Повод к постановке такой темы дает современный этап дискуссий об этнониме «славяне / словѣне». В послесловии одного из коллективных трудов по истории этнического самосознания славянских народов, написанном В.Д. Королюком и Г.Г. Литавриным, появление

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Историзм, историческая культура и историописание в болгарской книжности Средневековья и раннего Нового времени» (№ 17.01.00302).

¹ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

этого этнонима в греческих и латинских источниках VI в. оценивалось как четкое и определенное свидетельство общеславянского сознания его носителей². Сейчас все большую популярность в научной литературе приобретает безапелляционное и спорное в применении даже к раннему Средневековью суждение, что «славяне никогда не называли себя этим именем»³. Противоречивым видится само объединение в этом утверждении посылки о существовании древней общности славян и утверждения, что эти славяне сами себя никогда так не называли.

При скудости свидетельств источников выглядит излишней любая категоричность, и, разумеется, было бы не менее спорным счесть аутентичным заявлением моравского князя текст послания Ростислава Михаилу III в житии св. Мефодия: «Мы, славяне, проста чадь»⁴, и на этом основании утверждать обратное. Однако комплексное сравнительное рассмотрение употребления славянского этнонима и производных от него в первых текстах, написанных на древнецерковнославянском языке, на наш взгляд, дает основания для более взвешенных выводов, отчасти согласующихся как с «примордиалистским», так и с «конструктивистским» подходами.

Тезис о «внешнем» происхождении этнонима славян не нов, хотя повторяющаяся в современных работах формулировка о его «навязы-

² Развитие этнического сознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 252.

³ А. Месяркин (*Mesiarkin A.* The name of the Slavs: etymology and meaning // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2017. No. 1. P. 5), придавая утверждению «The Slavs never called themselves by this name» статус «простого исторического факта», указывает в качестве его автора Р. Венскуса (*Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Die Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln, 1961. P. 233). Ф. Курта считает этноним славян «в большей степени ученой конструкцией, нежели результатом систематического взаимодействия через этнические границы (result of systematic interaction across ethnic boundaries)» (*Curta F.* The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region. 500–700. Cambridge University Press, 2001. P. 350). По мнению А.П. Толочко, «в течение всего Средневековья славяне — если и не вполне ученый, то безусловно книжный термин... Во всех случаях это — категория, навязываемая извне» (*Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 73). На тех же позициях стоит автор обзора упоминаний о славянах в средневековых источниках Э. Мюле (*Mühle E.* Die Slawen im Mittelalter. Berlin, 2016).

⁴ *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 72. Р. Пиккио сравнивал слова «проста чадь» с обычным в практике западной церкви оборотом «simplex populus», восходящим к евангельским «нищим духом» (Мф. 5: 3) и «людям некнижным и простым» (Деян. 4: 13) (*Пиккио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 150).

вании извне» придает ему акценты, видимо, навеянные современностью. Часто цитируемый сторонниками данной формулировки вывод Ф. Курты, между тем, менее категоричен и допускает как внешнее происхождение славянского этнонима, так и его усвоение в процессе «систематического взаимодействия через этнические границы». Схожее предположение высказал выдающийся болгарский языковед Й. Заимов. Его тезис, что один из этнонимов — *словене* — посредством Византии был распространен на многочисленное население центра, юго-востока и востока Европы, говорившее на схожих со «славяно-болгарскими» наречиях, — был принят во внимание в цитированном выше коллективном труде Института славяноведения⁵.

Как известно, к началу деятельности Константина Философа и Мефодия проживавшие в империи и соседней Болгарии «славяноязычные» общности в грекоязычных источниках уже долгое время именовались как разнородными «племенными»⁶ названиями, так и славянским этнонимом. В надписях болгарских государей первой половины IX в. «славянами» (Σκλάβοι) называются либо славянские подданные империи, либо обитатели спорных с Византией территорий⁷. С постепенной инкорпорацией отдельных славян и их общностей в языческое Болгарское государство славянский этноним, видимо, еще в IX в. был поглощен общим обозначением подданства («болгары»). В то же время славянские имена в сочетании с болгарскими титулами носили не только представители аристократии (Славна, Даргомир); они закрепились в ономастическом репертуаре правящей династии потомков Крума (Воин, Звиница, Маламир, Владимир, Боян)⁸.

Упомянутое выше житие св. Мефодия упоминает о славянах в «письме Ростислава» наряду с соседними языковыми общностями — латинской, греческой и германской (*изъ влахъ, и изъ гръкъ, и изъ немць*⁹), — противопоставляя их этим сообществам как «некнижных» и не имеющих «наставников» на своем языке. Характерно, во-первых, что славяне отнесены к языковым общностям, и, во-вторых, что все

⁵ Заимов Й. «СЛОВЕНЕ» и «БЛЪГАРЕ» в старобългарската книжнина и в българската топонимия // Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай на 1100-годишната от смъртта му. София, 1969.

⁶ Употребление термина «племя» в данном случае обусловлено исключительно его наличием в ранней кирилло-мефодиевской лексике и не связано с отношением автора к текущей дискуссии о применимости термина к ранней славянской истории. Например, в «Азбучной молитве» епископа Константина фигурирует «словѣнское племя», а в одной из его воскресных проповедей — «словѣнский род» (см. далее).

⁷ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 201.

⁸ История на България. София, 1999. Т. 1. С. 695.

⁹ Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970. Т. III. С. 188.

три остальные перечисленные в тексте языковые общности принадлежат тому же миру книжных абстракций, к какому современные ученые относят славян. Отметим также, что «внешнее» название одной из них — «немцы» — дано славянами.

В данном месте жития Мефодия, сохранившегося в древнерусском Успенском сборнике XII–XIII вв., на наш взгляд, имплицитно отражен принцип культурно-языкового деления окружавшего славянские земли европейского мира в сознании автора, писавшего в конце IX — начале X в. В приводимом в житии св. Кирилла ответе Михаила III на письмо Ростислава желание моравян обрести от Византии «закон добрый» и письменность становится основанием права быть «причтенными к великим народам, что славят Бога на своем языке»¹⁰. Через письменность, Божьим изволением обретенную Константином Философом «въ наша лета», подданные моравского князя должны были получить то, что им «не бѣ дано было» в «первые лета»¹¹, что ставило Константина-Кирилла в один ряд с прямыми учениками Христа. Детальным опровержением заблуждения, «будто наши времена уступают древним», на примере Константина и Мефодия начинается греческое житие их ученика св. Климента, написанное Феофилактом Охридским¹².

Обоснование значения новой письменности как достояния нового Божьего народа в полной мере представлено в «Прогласе» («Пригласии») к Евангелию, авторство которого большинство ученых связывает с Константином-Кириллом Философом. Давно отмечена исследователями подчеркиваемая здесь многократным повторением аллитерация: «Слышите, Словѣне, си... слышите оубо, народи Словѣнести. Слышите Слово, от Бога бо приде»¹³. Смысловая нагрузка названия «словѣне» как имени новонареченного «народа Слова»¹⁴ противопоставляла образ новой христианской общности «этническим» представлениям о языческом или не обладавшем письменным языком славянстве и подчеркивала апостольское значение деятельности Кон-

¹⁰ Лавров П.А. Материалы... С. 60.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. М., 2000. С. 164–165.

¹³ Лавров П.А. Материалы... С. 196.

¹⁴ Как предполагает польский ученый З. Бабик (*Babik Z. Wspólnota językowa prasłowiańska // Przeszłość społeczna. Próba konceptualizacji / Ed. by S. Tabaczyński et al. Poznań, 2012. P. 842*), источником славянского этнонима могло быть праславянское «*sluti slova» — стать славным, известным. См.: *Mesiarkin A. The name of the Slavs. P. 10*. Этноним «словѣне», на наш взгляд, полисемантичен, и такое его значение могло отразиться в 47-й воскресной проповеди ученика Мефодия — епископа Константина (см. об этом далее в статье).

стантина-Кирилла, Мефодия и их учеников среди славян. Присвоенное Солунским братьям последующей традицией прозвание «Учителей Словенном» или «Учителей Словенских» закрепило этот статус.

В заглавии «Похвального слова Кириллу и Мефодию», созданного в кругу учеников Солунских братьев в Болгарии, заслуги славянских просветителей представлены шире: «На память святым и преславным Учителям словенского народа, сотворившим письмена ему и переложившим Новый и Ветхий Завет на язык их»¹⁵. По доктринальным причинам братьям не мог быть усвоен реальный результат их труда — создание славянского церковного языка, адекватного греческому языку Св. Писания.

Вполне объяснима и атрибуция многими исследователями «Прогласа» ученику Мефодия епископу Константину (в научной литературе часто называемому Преславским). В цикле триодных песнопений, переведенном им в конце IX — начале X в., из букв, которыми начинаются строки перевода, сформирован акростих, открывающийся заглавием «Гранеса добра Константинова» и содержащий призыв: «Съберете се Словѣне!»¹⁶, который перекликается как с текстом, так и с основной идеей «Прогласа». В другом тексте епископа Константина — воскресной проповеди на Евангелие — автор радуется тому, что его усилиями пастве стали доступны слова Иоанна Златоуста: «Не гръци бо тъчью обогатиша ся отцьм сим, нъ и словѣнскыи род мънимый попыран бысть всѣми»¹⁷. Аналогичный мотив содержит похвала Кириллу, сохранившаяся в сербском списке XIV в.: «Словенську языку въ неразумии и въ мраще сущу»¹⁸.

Автор «Сказания о письменах» Черноризец Храбр также начинает свой полемический трактат с отсылки к тому времени, когда славяне, будучи язычниками, не имели своей письменности («Прежде оубо словѣне не имѣху книгъ... погани суще»), а «словѣнска речъ» записывалась греческими и латинскими буквами «без устроения». Характерно, что автор указывает как на причину их непригодности на невозможность передать фонетику славянской речи греческими буквами. Затем Бог помиловал «родъ Словѣнскыи», послав им св. Константина Философа, «нарицаемого Кирила», который и создал им буквы — одни «по чиноу гръчскихъ письменъ», а другие — «по словѣнстей речи»¹⁹.

¹⁵ Лавров П.А. Материалы... С. 79.

¹⁶ Попов Г. Триодни песнопения на Константин Преславски. София, 1985. С. 35.

¹⁷ Антоний (Вадковский), архиеп. Из истории христианской проповеди. Очерки и исследования. СПб., 1895. С. 178.

¹⁸ Лавров П.А. Материалы... С. 97.

¹⁹ Там же. С. 162–164.

Житие св. Мефодия предваряет упоминания о славянах пространным библейским экскурсом, содержащимся во вводной части: «Авраам после разделения языков... принял обещание: благословенны будут все народы, происходящие от семени твоего»²⁰. Следующие далее упоминания о том, как прозорливый «кесарь» Михаил III дал будущему просветителю «княжение... Словѣнско... како и хотяше учителем Словѣниемъ (так! — *Д. П.*) посълати, дабы проучилъся въ сѣмь обычаемъ Словѣнскимъ», вкупе с заявлением императора, что все сограждане Солунских братьев «чисто словѣнскы беседуютъ»²¹, и цитированным выше «славянским признанием» Ростислава, определенно имеют в виду «первоначальных» славян, их язык, земли и обычаи.

На них же указывает и упоминание о «славянских странах» («И в руке его суть от Бога и от апостольскаго стола вся Словѣнскыя страны»²²) в приводимой в житии в пересказе папской буллы Ростиславу, Святополку и Коцелу. Это выражение по-латински (*in partes Sclavogum*) трижды (наряду с однократным употреблением «*Sclaviniam*») встречается и в «Обращении баваров и карантанцев» (873)²³ в применении к территориям славянских княжеств. Как указал Б.Н. Флоря, в сохранившемся тексте буллы упоминаются «как славяне, так и принадлежащие к какому-либо другому народу», которые живут в границах области Святополка²⁴.

Во же время, после того, как «явил Бог Философу славянское письмо», житие Мефодия говорит о «славянском Евангелии», «славянских книгах» и «славянских учениках», имея в виду уже новое качество славянства. Житие св. Кирилла, более скупое на «славянские» акценты, в XVII главе говорит о «словенских книгах», освященных папой Адрианом, и о посвященных в сан «словенских учениках», которые «пеша святу ю литургию словенскы» в храме св. Петра²⁵.

На наш взгляд, частое использование деривата славянского этнонима как прилагательного имеет существенное значение. «По-славянски» читали, писали и пели не «этнические» славяне, но представители нового от «великих языков», о котором упомянул император, — ведь, как и само чудо обретения письмен, эти умения были

²⁰ Сказания о начале славянской письменности. С. 94.

²¹ Лавров П.А. Материалы... С. 70–71.

²² Там же. С. 76.

²³ Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий. Ч. 1: Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1868. С. 11.

²⁴ Сказания о начале славянской письменности. С. 164.

²⁵ Лавров П.А. Материалы... С. 70–72, 74, 78.

обретены от Бога. «Азбучная молитва», которая также принадлежит Константину, видит в принявших христианство и письменность славянах новый Божий народ: «Летить бо нынѣ и Словѣньско племя, къ крещению обратиша ся вси, людие твои нареши се хотяще»²⁶. В дискуссии с западным духовенством в Венеции Константин Философ в ответ на вопрос: «Како ты еси ныне (то есть не в «первые лета») створил словенем (хорошо известному «безъязычному» народу. — Д. П.) книги?» перечислил многие народы, которые воздают славу Богу «своим языком кождо», ссылаясь на новозаветный пример чуда Пятидесятницы²⁷.

Апофеоз славянской темы жития св. Мефодия — заупокойная служба, которую над гробом Учителя отслужили его ученики «латиньскы, гръчьскы и словѣньскы»²⁸ в отличие от молебна у гроба св. Кирилла в Риме, где пение было лишь латинским и греческим²⁹. В лице славянских учеников духовенство «нового Божьего народа» во главе с Климентом и Гораздом на канонической территории диоцеза Мефодия вполне политкорректно, соблюдая иерархию языков, заявило о себе как о равном с латиноязычным и грекоязычным клиром. В ранних службах св. Мефодию наряду с «языком Словѣнским» (в значении «народ») и «Стадом Словѣнским» упоминаются, как и в «Азбучной молитве» Константина, «Словенсти народи», воссылающие славу Богу³⁰.

Таким образом, в житиях свв. Кирилла и Мефодия отражены оба уровня трактовки славянства — как народа, восходящего к «разделению языков» после разрушения Вавилонской башни, и как нового Божьего стада, на своем языке славящего Христа. Такая трактовка славянства задавала деятельности Кирилла, Мефодия и их учеников также и эсхатологический контекст, в пятой строке «Прогласа», которая пропущена в большинстве сохранившихся списков: «Се ся събысть в седмый век съ». Как указал В.Н. Топоров, эта строка практически дословно повторяется в двух других текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции — «Житии св. Кирилла» и «Похвале свв.

²⁶ Там же. С. 200.

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Исследования древнейшего канона св. Кириллу Философу («О раце стоящих твоего тела») указывают на его строгое следование греческим образцам. Возможно, и весь канон первоначально был составлен по-гречески. См.: *Крысько В.* Служба первоучителю Кириллу по Палаузовскому списку // Text — Sprache — Grammatik. Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiner. München; Berlin, 2009. S. 112.

³⁰ *Лавров П.А.* Материалы... С. 115.

Кириллу и Мефодию»³¹. Эсхатологическое звучание присутствует и в другом месте «Прогласа»: «Къ Богу явльше ся яко храбъри, стояште одесную божия стола, егда огнем судить языки»³².

С упомянутыми здесь «храбрами», видимо, несколько десятилетий спустя идентифицировал себя и младший современник Климента — автор цитированного выше «Сказания о письменах». По его словам, первой из обретенных букв был «аз», данный «родоу Словѣнскому на отврѣстие оустъ»³³. Черноризец Храбр возводит происхождение языков к Вавилонскому столпотворению, но видит особое Божье благоволение к славянскому языку в том, что, «делая все по ряду», Господь послал святого мужа для создания славянам письменности. Это, с его точки зрения, делает ничтожными претензии тех, кто ограничивает число священных языков теми тремя — древнееврейским, греческим и латинским, — которые были использованы для надписи «на доске» над Распятием «титла Господнего».

В заключение Черноризец Храбр противопоставляет греческих «книгочеев», из которых лишь редкие знают имена создателей их букв, и «словѣнския букаря», которые уверенно называют и имена создателей письмен — Константина-Кирилла Философа и Мефодия, и время их создания — при «греческом царе» Михаиле III, болгарском князе Борисе, моравском князе Растице-Ростиславе и блаженском князе Коцеле в 6363 году от сотворения мира.

«Пролог» к Шестодневу Иоанна Экзарха, о связях которого с деятельностью кирилло-мефодиевских учеников в Болгарии данных нет, открывается повествованием о деятельности Кирилла и Мефодия по созданию «письмен словенских книг» и «преложении» с эллинского языка, «еже есть гръчьскъ, в словѣнскъ». Их пример, указывает Иоанн, побудил его «в него места ... преложити *въ свой языкъ* съказания оучительская»³⁴. Вряд ли Иоанн имел в виду собственный идиолект, и данное место указывает на то, что кирилло-мефодиевский «словѣнский» язык считался своим в сообществе книжников, пополнившимся в Болгарии выходцами из местного населения, за которыми к этому времени прочно закрепился этноним «болгары». Таким образом, в упоминании о «своем языке» у Иоанна Экзарха можно видеть один из первых признаков перехода к его последующему названию. В других

³¹ *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. Первый век христианства на Руси. С. 33.

³² *Лавров П.А.* Материалы... С. 197–198.

³³ Там же. С. 162. В глаголической письменности, святость которой отстаивал Черноризец Храбр, графема «аз» представляла собой крест. Возможно, это имел в виду автор.

³⁴ Там же. С. 160.

современных этому древнеболгарских примерах — глоссе к переводу жития Антония Великого, записи пресвитера Григория в Архивском сборнике и послесловии к переводу «Слов против ариан» Афанасия Александрийского — указания на перевод на славянский язык соседствуют с упоминаниями о болгарской земле и болгарском князе, а в первом из них переводчик заявляет о своем стремлении «преодолеть нашу грубость, чтобы не остался славянский народ без житий... великих чудотворцев»³⁵.

Обзор «словенских» тем и терминов в творчестве учеников Кирилла и Мефодия позволяет предположить, что термины «славяне» и «славянский народ» употреблялись в двух значениях. Первое указывало на «первобытное» состояние тех общностей, которые впоследствии приняли «в свой язык» письма, обретенные св. Кириллом, и переводы с греческого, второе — на новое «Божье стадо», каковым делала их возможность славить Бога на славянском языке. «Споспешники» и ученики Константина Философа и Мефодия, «иже бяху того же духа, его же и си»³⁶, считали себя частью нового Божьего народа — славян. Паству их болгарских последователей-учеников, служивших литургию по-славянски, продолжали, тем не менее, именовать болгарями, но за языком литургии и проповеди на многие столетия закрепилось название славянского.

Видимо, такое значение вкладывалось и в термин «епископ славянского языка», четвертым из которых в житии св. Наума Охридского назван ученик Марк Деволский³⁷. В то же время в письме папы Иоанна VIII Борису-Михаилу (879) упоминается епископ принадлежавшего болгарскому князю Белграда Сергей, «родом из славян» (*genere Sclabus*)³⁸, что позволяет видеть в сведении жития Наума возможное указание на славянское происхождение самого епископа Марка³⁹.

Приведенные свидетельства ранней славянской книжности, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии двух трактовок славянства — этнической и конфессиональной, которые могли сосуществовать раздельно, а могли и находиться в позициях взаимодополнения и

³⁵ Бележки на българските книжовници. X–XVIII век. София, 2003. Т. 1. X–XV век / Б. Христова и др. С. 25–27.

³⁶ Там же. С. 72.

³⁷ Там же. С. 182.

³⁸ Латински извори за българската история. Т. II. София, 1960. С. 150–151.

³⁹ На основе этих упоминаний выстроена гипотеза о наличии «этнических епископов» Болгарской церкви на территории Македонии. См.: *Петровски Б.* Свети Климент Охридски, кан/кнез Борис-Михаил и кнез/цар Симеон: исторически аспекти // *Словѣне — Slověne. International Journal of Slavic Studies.* 2016. Vol. 5. No 2. С. 10–53.

контаминации. Такая ситуация, на наш взгляд, отразилась и в составленном Феофилактом Охридским пространном житии св. Климента: Архиепископ разъясняет, что «народ словен, в сущности, болгар (Σθλοβενῶν γένος εἶπουν Βουλγάρων)» пишет славянскими буквами («σθλοβενικά γράμματα») на болгарском языке, первым епископом (Βουλγάρων γλώττη πρῶτος ἐπίσκοπος) которого (т. е. служащим на этом языке) был Климент⁴⁰. Как отмечал Феофилакт в другом сочинении — «Мученичестве пятнадцати тивериупольских мучеников» — подготовленный им клир был обучен «на болгарском языке» (Βουλγάρων γλώττη — употреблено то же словосочетание, что и в житии св. Климента. — *Д. П.*) служить во вновь построенном храме в Брегалнице, куда были перенесены мощи мучеников из византийского Тивериополя⁴¹.

Таким образом, в текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции отражены различные коннотации терминов «словѣне» и «словѣнскыи». Наряду с «ученой абстракцией» языческого славянства ученики и последователи Кирилла и Мефодия были уверены в своей принадлежности к одноименному «новому Божьему стаду». В Болгарии конца IX — начала X в. такой способ идентификации, однако, вступал в противоречие с формирующимся протонациональным болгарским дискурсом и в силу этого продолжил существование лишь в именовании языка книжности «славянским», не ведя к идентификации даже самих книжников — подданных болгарских государей — как «славян».

Вместе с тем в текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции усилиями учеников и последователей Кирилла и Мефодия была сформирована совокупность терминов, понятий и образов, касающихся славянской темы и впоследствии использовавшихся на протяжении долгого времени не только в болгарской книжности, но и в книжности других народов, принявших кирилло-мефодиевское наследие при болгарском посредстве.

⁴⁰ Гръцки извори за българската история. София, 1994. Т. IX. Ч. 2. С. 34.

⁴¹ Там же. С. 12–14, 72.